

СтилоГраф

www.borovkov-and.narod.ru

Дорогие читатели. Номер, который вы держите в руках, как и было обещано в предыдущем выпуске, целиком собран из произведений Яны НОВИКОВОЙ из Белогорска, чья безвременная смерть потрясла всех, кто ее знал. Это – наша запоздалая попытка осознать, кем же была Яна на самом деле, и хоть как-то оправдаться в том, что нас не было рядом, когда мы были ей настолько нужны, так что она ощутила себя «рожденной зря». Разбирая ее архив, я поразился, как упорно Яна пыталась до нас достучаться, как четко она предчувствовала, чем закончится та жизнь, на которую мы ее обрекли своим невниманием. И наша загруженность делами, и ее географическая удаленность от нас – лишь отговорки. Мы опоздали... Терять талантливых друзей тяжело, а осознавать, что мы их практически добровольно упустили – невыносимо. И ведь она сама хотела, чтобы все было по-другому, сама себе приказывала «Нужно жить! Не смей! Не смей ломаться!», умоляла «Покажи любовь, пока я не сошла с ума!», но все, к кому она с этим обращалась, «шагали по другой дороге»...

Андрей БОРОВКОВ

Яна НОВИКОВА

Странно сейчас писать эти строки о Яне. Особенно в прошедшем времени. До сих пор мой организм отвергает саму мысль о том, что ее больше нет. Это больше, чем потерять друга... Часть моего сердца она унесла с собой. Страшно понимать, что не будет больше наших бесконечных разговоров, того понимания и того ощущения, что где-то в суровом Амурском крае живет такой близкий Человек. Не будет больше писем, никогда не будет высвечиваться ее номер в мобильном, никогда больше ничего не случится... Лишь остались ее произведения. Такие искренние, такие НАСТОЯЩИЕ. Моим долгом было создать этот номер, сохранить и подытожить то, что написала Яна. Я знаю, как она хотела быть услышанной. Надеюсь, в Вашем сердце ее произведения оставят след и затронут самые тонкие струны души.

С уважением, Маргарита ТАРАСОВА

КТО Я?

Я была трудным подростком, теперь, наверное, трудная девушка. Такая непредсказуемая, шелково - колючая, язвительно - ироничная, но в тоже время наивная. Храню множество масок в шкафу - не люблю повторения и однообразия. Вся набита рок-музыкой: строчками, мелодиями, эмоциями...

Я - комок нервов, пик хаоса.

Я - девочка, которая пишет стихи.

Я - инфантильное существо женского пола с суицидальными наклонностями.

Я - любитель "Портвейна".

Я - студент-заочник.

Я - подросток в рваных джинсах и кедах со взрослой мечтательной душой.

Я - декадентка, родившаяся поздно, пропустившая свою эпоху, и поэтому порой несчастная. Иногда кажется, что я - лишний человек на планете безумной этой...

СИЛЬНЫЙ ДОЛЖЕН УМИРАТЬ

Времени нет. Вода льётся по палубе,
 Как свинец – такая же горячая.
 Все шлюпки заняты старыми, малыми,
 Нет в них места для здоровых и зрячих.
 Если ты можешь, не отпуская чёлку,
 Смотреть без слёз, как истекают кровью,
 Значит, ты сильный, хоть мал, как пчёлка,
 А если и пуст, то полон любовью.
 За тех, кто слаб и сломлен духом,
 Ты должен жизнь отдать, как знамя
 Не запятнать водой и пылью,
 Не изгваздать в слезах отчаяньем.
 Ты до конца, не боясь за корабль
 Не стеная о теле, что сядет на дно,
 Стой у мачты, пристёгнутый наручниками,
 Плюй в глаза смерти, ведь тебе всё равно.
 Если ты сильный, то можешь в чёрном
 Найти поляну ромашек мясистых.
 Корабль – на части, пусть в страхе позорном,
 Как крысы, бегут те, кто жалости ищет.
 А ты останешься, молодым умирая,
 И пусть, снедаемые раком старости,
 Травятся, захлёбываются пожизненной жалостью
 Те, кто спасся тогда от храбрости.

Я ПИШУ

Глянцевые журналы грудой ненужной
 В углу сыром переливаются.
 Кофе остывший, плененный кружкой,
 Во мне не переваривается.
 Отторгается, вражеским фронтом
 Восстаёт вулкан.
 Извержение падает в строки –
 Бешеный канкан.
 В этой пляске безумной кто-то с содранной кожей
 И ножом в руках.
 Здесь рвотное небо и весёлые вены
 В себе помнят страх.
 Взгляд из дыма-дома, из потопа слово,
 Как последний стон.
 ...Я пишу сейчас, уносясь из дома
 Кровью из окон...

* * * * *

По артериям – враньё,
 Небо дышит вороньём.
 Утро холодом объяло
 И домой писать загнало.
 На столе моём – икона,
 Оберег-хранитель дома.
 Светоч, что душу спасёт,
 Если я погрязну в лёд.
 Если по рукам иглою
 Напишу последний ход,
 Если злобою смешною
 Перекрою кислород.
 Когда солнце вижу чёрным,
 Я смотрю в грустные лики.
 Атеизмом препозорным
 Я ещё не вся залита.
 Вера всё гнездится, глубже
 Забываясь час от часа.
 Глубже, где темно и лужи
 Влаги странного окраса.
 Намешала жизнь, как краски,
 То, что сочетать не стоит:
 Чёрнь обиды, страсти красный
 Белый цвет не перекроет.
 Не забыть слёзного моря
 С фиолетовым отливом
 Даже если с неба звёзды
 Обожгут, как лист крапивы.
 Не очиститься от грязи
 В грязной луже ожиданий.
 Из дерьма не выйдет князя,
 Как бы слуги не старались.
 И осёл не станет пони,
 Даже если в новой сбруе.
 Не уйти мне от погони,
 Из теней не выйти в люди....

* * * * *

На стойке бара забыт платок.
 Он обгрён, в нём ДНК.
 А с неба нечто мечет ток,
 И кто-то в небо: шприц в руках.
 Чахотка-кашель, сутулость плеч
 По синей улице в грозу.
 А где тепло, забыт платок,
 Впитавший кровь и слезу.

* * * * *

Помнишь, я говорила «зима», и ты верил,
Потому что видел снег перед глазами?
Я тогда просто крутила шар снежный,
Холод стекла ты трогал губами.

Да, был слепым, но думал, что видишь.
Тебе было жарко, но льдинки стекла
Глушили огонь, ты не мог ненавидеть,
Ведь сердце смягчала псевдо-зима.

И ты сгребал прах, пепел руками –
Всё, что осталось с осенних костров.
Думал, что снег и бросался снежками,
Видел декабрь, как часть своих снов.

И тебе снились Новый год, Святки,
Ты наяву грезил, думал, живёшь.
...Чтобы случилось, коль я б без оглядки
Бросила правду, призналась, где ложь?..

Ведь ты зимой одержим не случайно:
Она порождает однажды весну.
Я не открою даже в отчаянье,
Что золотом осени отсрочку плачу.

Я остаюсь в сентябре, как в темнице.
Каждый глоток обречённости – дар.
Я умираю, как жёлтые листья –
Быстро и весело падаю в ад.

Меня здесь жалеют, как призрак-виденье,
Я невидимкой скрываюсь в себе.
Осень утешит, и в час погребенья
Я запою, растворяясь в листве.

Если нет сил холодеть и рождаться,
Лучше остаться в тепле «бабьих лет».
Только одной тяжело расстилаться
Ниже и плоче по вялой траве.

Вот ты и здесь, за компанию, в лете.
В лете последнем, последний сентябрь.
Если и спросишь, я не отвечу.
Ты сам почувствуешь – листья летят...

МОЁ «МОГУ» И МОЁ «ХОЧУ».

Моя комната из четырёх стен,
Я могу в ней найти пятый угол.
Я – король-повелитель всех вен,
Я – палач и морю их испугом.
Мой топор – это лезвия блеск,
Разрубаю артериям горло.
И на кладбище мой обелиск,
Эпитафия строчкой по чёрному.
Я могу жарить в масле любовь,
Маринадом топить чьи-то чувства.
Я могу бить в глаз, а не в бровь,
Даже если в глазницах уж пусто.
Я могу мертвецов вызывать
Спиритическим тёмным сеансом...
Я могу сейчас зарыдать,
А могу с крыши шаг – и я – мясо.
Я могу сесть в духовку и ждать,
Пока пламя меня поцелует.
В огне могу книги читать,
Поминая дьявола всуе.
И на Библию руку кладу,
Ничего, что рука моя – пепел.
Я поклялся хотеть и в аду,
Только пепел уносит мой ветер.
Я могу умереть за тебя,
За себя и за пьяную ночь.
Я могу ненавидеть, любя,
Ставя за многоточием точку.
...Моя комната из четырёх стен,
Я нашёл в ней восемь углов.
Я рисую углём по стене,
Я хотеть и отречься готов.
Я могу распять на кресте
Мальша, рождённого в полночь.
И пускай голова на шесте,
И пускай в груди моей колья.
Я хочу, чтоб мой дом был смыт
Наводнением, стирающим разум,
Потому что устал хотеть
И устал рифмовать маразм.

* * * * *

Монитор дерёт зрачки,
 Заставляет капать солью.
 Слишком долго до весны,
 Слишком сыро, как в подполье.
 А мне пригрозили, крышку не откроют,
 Сказали, зови, весна не услышит.
 И вот я пою, скованная болью,
 О том, что ожиданием сладостным пышет.
 Готова сейчас на любые жертвы,
 Приму весну даже в нищенском платье.
 Дресс-код не требую, открыты дверцы,
 Ворвись хохотом, а хочешь - я заплачу.
 Хочешь птицами, чужими лицами,
 Высотками-крышами, смятыми ландышами,
 Дохлыми венами, плесенью-стенами,
 Всевышнего укором, конопляным полем,
 Обеденным паденьем, осенним погребеньем,
 Новыми странностями, глазами стеклянными,
 Ядом зелёным, страхом солёным,
 Пляской до пота, улыбкой идиота...
 Нарисуйся в марте, как по контурной карте,
 Сочным поцелуем и ночным клубом,
 Аварией в крови, цитатой из книги,
 Готическими фото, мужским торсом,
 Бледной кожей, загорелой тоже,
 Сектантской верой, лаской несмелой...
 А хочешь, войди в кровь сатаной,
 Возьми меня, забери мой покой.

* * * * *

Растаяли окна. Можно смотреть,
 Как утром уходят, темнеет – возвращаются.
 Набираю ванну, медленно полнится.
 Может, вода кончается?
 И я не успею, не начав, исчезну,
 Губы сушит, а нечем напиться.
 Если душит артерия вену,
 Какой смысл на сердце злиться?..

* * * * *

Музыка – в перепонки. Героин – внутривенно.
 Без дозы того и другого лезем разом на стенку.
 Нет у нас тени, бестелесные создания,
 Опускаемся во мрак, растеряв крохи сознания.
 То ли вниз, а может вверх – пространные полеты,
 Чувствуешь лишь музыку, бурный ее рокот.
 Парим в облаках, отравленные ядом,
 Но нам хорошо, другого нам не надо...

* * * * *

Ищу потери в пространстве,
 Разбивая лоб о бетон.
 Потеряла яркие краски,
 Мне остался лишь чёрный фон.
 И от этой постоянной темени
 Я ослепла за ненадобностью видеть.
 Охрипла, гоняясь за тенями,
 И оглохла от своего крика.
 Ногами босыми по снегу,
 А ладонью черпаю кровь.
 Кровь из вен моих тоже чёрная,
 Льётся ранами быстро и вновь.
 Ритуалы уничтожения –
 Наизусть в ванной, наедине.
 Не отмыться от этой черни
 В чёрной этой с кровью воде.
 В странном мире, углём помазанном
 Даже солнца нет обычного:
 Светит что-то тёмно-багряное,
 Холодя вопреки привычному.
 Я одна с одиночеством здесь,
 Хотя рядом другие прячутся.
 И хотя знаю, что жизнь есть,
 Не найти на чёрном не пятнышка.
 Мы зачёркнуты жирной линией
 И размазаны в общую массу...
 Попадают сюда не случайно:
 Здесь все те, кто изнутри гаснут.
 В вечной шахте без номера-имени,
 Мы играем в декаданс до точки.
 Пьем вино, пишем ночами длинными,
 Умираем в ряд – чёрные строчки...

* * * * *

Выброси все мои вещи,
 Вытрави освежителем запах.
 А потом просто напейся
 И танцуй в простынях измятых.
 Разорви фотографии смело,
 Уколи мою память щетиной.
 И цитаты закрась белым мелом,
 Чтобы заново гладко и чисто.
 Выброси все мои вещи,
 Вытрави освежителем запах.
 А потом плачь и ищи
 Мой след в простынях измятых.

* * * * *

Чулок на голову – грабить банк.
 Жаль, нет пистолета.
 Платить нечем по счетам
 За небо цвета лета.
 Охрана. Шатко предприятие,
 Как хрупкий домик карточный.
 Но будут благосклонны обстоятельства,
 Все деньги положу тебе на карточку.
 Оставляю лишь платить за небо
 И за возможность дышать им.
 Ещё монетку, чтоб звенела
 С ключами хохотом стальным.
 Чулок на голову – грабить банк,
 С ножом, без пистолета.
 Если сегодня не вернусь,
 Ты помни наше лето.
 «Сгоревшие в огне ценза».
 Ты играла в куклы –
 Выиграла смерть.
 Ты писала песни –
 Их не можешь петь.
 Давление цензурой
 На твои творенья.
 Стихи – макулатура,
 Признак запустенья.
 В углах – паутина,
 Пустота жилища... -
 Жуткая картина;
 Ветер злобный свищет.
 На листах надежды,
 Правда и отчаянье...
 Ты не та, что прежде,
 Ты теперь печальная,
 Пьяная, холодная,
 Стеклом глядят глаза,
 Седина ранняя
 Ниткой в волосах.
 Шестиструнная гитара
 С двумя жалкими струнами...
 Свободы песням мало,
 Вот они и умерли.
 И, как в крематории,
 Ты сожгла их трупы,
 Побросав в камин
 Чувства и поступки.
 Лист бумаги жалок
 Пред огнём всеильным.
 Песни жили мало.
 ...Нет, совсем не жили.

* * * * *

Струной гитарной режешь,
 Смычком вскрываешь шрамы,
 Швыряешь на самое дно...
 Покалечишь – вновь нотами лечишь
 И уносишь за окно.
 Я лечу на волне мелодичной,
 Подгоняют к вершине басы;
 Барабан – мой спутник привычный,
 Клавишные – верные псы.
 От ударных все чаще дыхание,
 Ощущаю твой сильный вокал...
 Знаю, что, творив эту песню,
 Ты также в пространстве летал.
 ... Лишает крыльев акустика,
 Последние до-ми-до,
 В кассетнике кончилась пленка,
 Влетаю обратно в окно.

КАЗНЬ

Мне пора уходить.
 Слишком много моих отпечатков на стенах.
 Мне пора уходить.
 Я испил всё, что смог, в своих ползая венах.
 Я уйду, это факт.
 Я учил ДНК понапрасну.
 Я немного маньяк,
 Вижу мир весь в пурпурном и красном.
 В психологии след
 Я оставил своей некрофилией.
 Громогласный привет,
 Залп орудий и стул электрический.
 Мне пора уходить.
 Этот день днём казни назначен.
 Я уйду, это факт,
 Но собою я вас озадачил.
 Я пил кровь с молоком,
 Разрывая трупные члены...
 Да, я буду казнён,
 Током вспыхнут в истерике вены.

* * * * *

Я на дне. Здесь не холодно вовсе.
 Через воду далёкое солнце
 Вижу, хоть и пустые глазницы.
 ...Или снова о смерти сон снится?
 Нет не сон. Слишком влажные вены,
 И в груди будто выросли стены –
 Наглоталась водой не святою,
 Это плата за тягу к покою...

* * * * *

Я пьяна сейчас. Пришла из ночи к лампе.
 Клавиатура щёлкает под пальцами.
 Пытаюсь сохранить мираж-состоянье,
 Когда перед глазами нечто кружит танцами.
 В шкафу бутылка пива мечется,
 И пепел сигаретный дышит смрадом.
 А в голове всё прошлое мерещится,
 Смешное, как отравы шоколадом.
 Как рвота от противного лица,
 Как крик, который заглушает боли шёпот...
 Дурное прошлое, 13-го пятница,
 Как день рожденья зэка за решёткой.
 Я отгорожена бутылок частоколом
 И не услышу телефонного надрыва,
 Когда звонить в надежде будет кто-то,
 Кого я вспоминать и ощущать не в силах.
 Из лета вырвала кровавую картинку,
 Извечной глупости доверчивые клятвы.
 Я пьяной не была, когда хранила
 Стекающие по его портрету крови пятна.
 Нарисовав окурком пейзажи,
 Я выучила против своей воли
 Его черты, знакомые когда-то,
 Теперь забытые, но близкие до боли...
 На мониторе тёмная заставка:
 Другая я, до погребенья правды.
 Теперь я лгу, бардовый называя красным,
 И строю из окурков баррикады.

* * * * *

Приручи! Я ответа не требую.
 Прикорми кашкой из лучиков.
 Просто светлых, ни с чем не смешанных,
 Без анализов, скотских случаев.
 Психологию в толстой корке
 Брось в огонь, не лечи, не копайся.
 Обними пульсом в пульс и сердцем
 Отсканируй мне копию счастья.
 Ты ведь можешь, ты так умеешь,
 На балконе курить с улыбкой,
 Как корицей пахнут песни.
 И тобой шумно дышат книжки.
 Я устала искать судьбу
 На цветочках сиреневых. Лето.
 Если даже одна выживу,
 В сентябре утоплюсь в луже, этот
 Месяц странен и болен в дождь.
 Приходи кататься на звёздах!
 Я летать могу, знаешь, всерьёз.
 Появись же пока не поздно!

* * * * *

Ничего всё равно не меняется,
 Хоть теперь я живу другой год.
 Нервы рвутся, система ломается,
 В темя жаром истерия печёт.
 Снова жертва и снова гонимая
 Прячусь в тёмного страха лесу.
 В норах ползаю, смертью любимая,
 На груди овец дьявола пасу.
 И хотя предоставили выбор:
 Окровавленный сон или явь,
 Через раны с разрушающей силой
 Вытекает наружу часть «я».
 Это кровь с бьющим в ней псевдо-пульсом,
 Это плоть иссушаемая...
 Остаётся во мне, что зовут словом «пусто»,
 Чем-то едким и кислым гния.
 Я однажды растратила детство
 И убила в себе белый свет.
 Я послала к другим безмятежность,
 На вопрос не давая ответ.
 А кричало во мне нечто «больно!»,
 Протестуя против предательства,
 Силы бросив на борьбу с ночью,
 Всё отдав за глоток невмешательства.
 Часть хотела остаться тем самым,
 Что играло и пело лучами.
 Часть меня убивала ту малость.
 Что за сделку с совестью дали.
 Я творю из смерти коктейли,
 Разбавляя вино своим соком,
 Добавляю войну с серой тенью,
 Насыпая сверху жестокость.
 И кусками кладу своё «эго»,
 Как орехи, толченые в мёде...
 А потом сладость мажу по стенам,
 Я – нагое чудо природы.
 Отдаваясь за грамм кокаина,
 Раздвигая под обстрел душу,
 Становлюсь последней скотиной,
 Что способна ломать только, рушить.
 Наступать на песочные башни
 И в отместку одаривать снегом –
 Кокаиновой пылью и счастьем,
 Что даёт чернотой своей небо.
 ...Плачут звёзды, почувствовав похоть,
 Обречённую похоть на грани...
 Этот зуд постоянный по коже,
 И мои вожделенные граммы...

* * * * *

Страшно одному под вечной Луной
 Путать след, наступая на разум.
 Холодом дышит мой мнимый покой –
 Результат псевдо-умных наказов.
 До шоссе далеко,
 Далек до людского жилища,
 И вокруг страшный лес, одиночества лес –
 Место тех, кто имеет, но ищет.
 Недовольство с себя, как густой пыли слой,
 Я сбиваю, падая в снежное.
 Я катаюсь, верчусь в тишине, только вой,
 Стон убитой в себе безмятежности.
 На снегу, под замерзшей елью-сосной
 Я рисую знаки вопроса.
 Может, кто-то придёт и ответ принесёт,
 Не спускаясь по тропке допроса.
 Это ночь колдовства, как его не зови,
 Это час отрешенья, безумства...
 Я рисую, рисую вопросы свои
 И молюсь, чтоб уснув не проснуться.
 Чтоб остаться теперь, в хвою лик навсегда,
 Улыбнувшись сосновому войску.
 Так же мёрзнуть, как ствол, из глазниц-окон
 Капать солью в талые полосы.
 Не согреть мне земли, не отдать себя часть,
 Так уж лучше целиком и не мучиться.
 Я вопросы на снегу написал, не таясь,
 Может, песня из меня получится.
 Прорастёт по весне, как из сердца цветок,
 Его некто сорвёт, вдохнёт, выбросит...
 Лучше сорванным быть, чем чувствовать ток
 И давиться своей необычностью.

ЕЩЁ НЕМНОГО, И ОН ИСПАРИТСЯ

Как не хватает мне сегодня слов простых,
 Коротких фраз обычного успокоенья...
 Сейчас, когда ударили меня под дых,
 Сейчас, когда я выпила последнее терпенье.
 Пустой сосуд, по стенкам – крови струи,
 Едва заметный и пьянящий запах... -
 То жизни аромат, погибшей всуе.
 ...Я зубы стискиваю, чтобы не заплакать.
 Ещё немного и он испарится,
 Тот аромат, что вы душой зовёте,
 Ещё немного – я лежу в землице,
 И над могилой моей вы слёзы льёте...

* * * * *

О чём писать? Избиты темы,
 И мысли в хаосе бузят.
 А землю снег посыпал белым,
 Как героиним – белый яд.
 На стёклах изморозь, узоры,
 Как голубой рисунок вен.
 Кого-то мчат сейчас на «скорой»,
 Хотя, что поздно знают все.
 Мороз ползёт по белым стенам,
 По крышам топает зима...
 А он рисует жизни схемы –
 Ему сегодня не до сна.
 На кухне в ящиках лишь крошки –
 Изъяты и съедены белый хлеб.
 И, кажется, что понарошку,
 А в самом деле хода нет.
 Автомобили вязнут в насте,
 И поезда сходят с рельс;
 И холодит, страшит проклятье
 Смертельной стужи январей.

СУМБУР

На пианино забытый листок –
 Пляска нот по влажной странице:
 Кто-то плакал, срывая цветок,
 Улыбаясь отчаянно в лица.
 Злые свечи слепили огнём,
 Обжигая жесты печальные,
 Плакал тот, кто совсем не причём,
 Разгоняя ноты отчаяньем.
 И дрожала рука над вином,
 Красным кровью и терпким от яда...
 Отравил тот, кто здесь не при чём,
 Тот, кто вышел из пламени ада.

* * * * *

Ни за что возненавидела,
 Посмеялась и обидела.
 Подождла пергамент мечты,
 Безобразьем стёрла контур красоты.
 О любви давно слагала строки –
 Выбросила в мусор, твои выпив соки.
 Я, использовав, поставила в игнор
 И построила каменный забор.
 Схоронилась от проблем и слёз,
 Не даю задать тебе вопрос,
 Запрещаю говорить со мной о чувствах.
 ...Любви нет, есть серой злобы сгустки.

* * * * *

Не всегда возможно откровенностью на откровенность.
 Иногда непроизвольно закрываешь душу.
 Отдаляюсь, если вижу разума леность,
 Исчезаю, если чувствую внутреннюю сухость.
 Я духовно богата, не терплю
 Бедности человеческой индивидуальности.
 Ухожу, связи на корню рублю,
 Пускаюсь вновь в поиски трудные, дальние.
 Я ищу в глазах немой вопрос,
 Непокорность серости и нормам.
 Я зову того, кто мой всерьёз -
 Понимает, не боится звёзд позорных.
 Шаг за шагом, долго, через боль,
 Ведь истёрты и избиты сердце, ноги,
 Я бреду в тумане, жду любовь,
 И ищу тех, кто вникнет и поможет.
 Я кричу тому, кто не боится
 Быть другим: чужим и одиноким.
 Я смотрю сквозь струи слёз в лица,
 Поглощая метр за метром пыль дороги.
 ...Нахожу и обмеряю взглядом,
 Будто щупаю нервы-вены,
 Проверяю, чтоб не ошибиться,
 Откровенность дав на откровенность.

* * * * *

Что лучше: серая скука
 Или кровавый багрянец?
 Что лучше: тоской мука
 Или в асфальт головой проваливаться?
 Что легче: избежать расплаты
 За свои далёкие грехи -
 С прошлым покончить сразу,
 Пусть тело в кашу, на могиле цветы?..
 Или нужно истово молиться,
 Вкладывая сердце в небо,
 От мира отречься, покреститься,
 Биться пред иконами в церкви до рассвета?
 После скрыться на далёкий хутор,
 Сбирать в садах плоды,
 Ивовые сплести лапти на ноги,
 Стереть память и так избежать беды?..
 Или всё же отравить мозг абсентом,
 И для храбрости чего-нибудь ширнуть:
 В вены - счастье-яд, а сам с балкона
 В никуда отчаянно шагнуть?

ШАЛЬНОЙ И ЛИШНЯЯ ЗВЕЗДА

...Он бежит по дороге, шальной,
 Замирая порою устало,
 И сияет небо звездой,
 Для которой и неба мало.
 Мчится он по дороге туда,
 Где обрывом кончается небо,
 Где чужая сияет звезда,
 Для которой и в небе нет места...
 Там где он, освещает пути
 Непонятное призрак-светило.
 Он спешит, убегает в конец
 Где оставят последние силы.
 И, хрипя от бешеной гонки
 От себя и от тёмного неба,
 Упадёт, разобьётся в осколки
 И Шальной и Чужая Планета...

* * * * *

Немого крика адский ор,
 По шее с хрустом бьёт топор...
 Ещё чуть-чуть до вечности,
 Вне псевдо-человечности
 Я падаю во льды,
 Туда, где гул беды.
 ...Туда, где были волны,
 Теперь мороза полный
 Зелёный океан,
 Мой лёд, на дне - стакан...
 Мой пик, пронзивший прошлое,
 Твой свет, погасший в ночь...
 Сумбурное отрочество
 И зрелая любовь...
 И если разобраться
 Зачем-то ты решишь,
 То лишь размажешь кляксы,
 А знать не запретишь.
 Бессилен против горького,
 Как сладкого кусок,
 Сухое против мокрого -
 Рука влажная в ток.
 И искры электричества,
 Содравшие поверхности...
 Мы падаем на дно
 Вне псевдо-человечности...

ОДИНОЧЕСТВО ПОСРЕДСТВОМ ПРАВДИВОСТИ

Тебе приходилось когда-нибудь
 Ощутить вдруг свою отрешённость, ненужность?
 Обнаруживал ли хоть раз
 Одиночество-иглу в биении пульса?
 Ловил ли себя на мысли,
 Что оторван от всех?
 Осознавал, что наплевать
 Провал теперь будет или успех?..
 ...Если ты хоть раз падал в вакуум,
 То легко меня поймёшь.
 Если оставался один среди всех,
 То сразу осознаешь где правда, где ложь,
 Где кончается комплимент
 И зарождается лесть,
 Где просто обида тихая,
 А где развратница-мечь.
 И ты сможешь взлететь
 Без крыльев на небо,
 И ты сможешь не плакать,
 Упустив победу...
 Потому что в тебе – горячая кровь,
 Шальная и бурная к правде любовь.
 Ты не будешь носить убогие маски,
 На серость накладывать яркие краски...
 Ты знаешь мир таким,
 Какой он есть:
 Есть злоба, трусость,
 А есть смелость и честь.
 И выбираешь не бояться, не врать,
 Разрушаешь обходительности призмы,
 Пусть даже больно, пусть даже страдать,
 За правду не жалко и жизни.

* * * * *

Пыль мебели, пыль перемен...
 Под слоем серости скрываем раны вен,
 Когда меняемся в обратную сторону,
 Себе противную, на тряпки вечность порванную.
 И кто-то предал, тот, кто был нам близким,
 Тот, кто с ладони нашей брал ириски,
 Тот, кто кричал, что рядом навсегда...
 Он далеко, но это не беда.
 Ушёл – и пусть шагает по другой дороге,
 И значит просто с ним не по пути.
 Да, я устала, и истёрты ноги,
 И сердце плавится в моей крови...

* * * * *

О, да!
 Ты звал меня на небо,
 Когда летал,
 Вкусив сок победы.
 И в кровь
 Нелепые сгустки адреналина,
 А ночь,
 Она сама, сама гуляет мимо.

 Ты пьян.
 Опять нетрезв, что для меня не новость.
 Твой смех,
 И слов твоих шальная скорость.
 И фонари,
 Как стражи у дороги.
 Тебя – в такси,
 Сама пешком в пыли дороги.

О, да!
 Мы были в небе,
 Пока музыка струилась.
 Теперь ты пьян,
 А я в грязи –
 Упала и разбилась.
 Победа обернулась крахом,
 Не вынесла славы размаха.

На ноты нежные
 Кладёшь ты пьяный голос.
 От края мы на шаг,
 На сантиметр, на волос.
 Ты говоришь: «Оставь!»,
 Но крепко держишь за руку.
 Осталось до конца вдвоём,
 Увы, нам поздно заново.

И в эту ночь
 Ты дремлешь в пьяной неге.
 Я, фонари – свидетели победы,
 Которая,
 Не выдержав размаха,
 Постыдным обернулась жизни крахом.
 И ночь скрывает мою боль,
 Твою, погрязшую в вине любовь

КРЫШИ, ТАНЦЫ, СМЕРТЬ

Мы танцуем в темноте, на покато́й крыше.
 Танец безрассуден наш, от волнения не дышим.
 В сложном «па», скользнув ногой, ощутила край.
 Там, за краем, ничего – я не верю в пай.
 Вот закончили «чарльстон», воздух режет «твист».
 Наслаждаешься, танцуя, ты – до гроба оптимист.
 В стремленье «танго» с поворотом – леденящий смерч –
 Это притаилась рядом зрительница-смерть.
 Мы вальсируем, я плачу, чувствую могильный холод.
 Хоть решили мы исчезнуть, по жизни ощущаю голод.
 Захватываю воздух горячим ртом,
 Большая часть дел осталась на потом.
 ...Кружимся в последнем танце и легки так странно.
 Мы уже летим, не ходим, а под нами смерти яма...

НЕ ОТПУСКАЕТ ПРОШЛОЕ

Так, наверно, это жизнью и зовётся –
 Чередуется с луною солнца свет.
 Ты заплачешь, некто просмеётся,
 Зарываясь в пачку сигарет.
 И оттуда, из коробки смрада,
 Некто кинет прошлое смешком.
 Он заставит вспомнив, выпить яда
 И идти туда, где был, пешком.
 Ты пойдёшь, и для того, чтоб только
 Повторить свой опыт «на ура»,
 Ты готов опять чувствовать больно,
 И опять в груди твоей жара.
 Схоронил всё это, что здесь ищешь,
 И оно давно в земле сгнило.
 Сотни дней, да что там сотни – тыщи
 С того часа суток утекло.
 Литры крови потерял на поле,
 Когда бился, чтобы не отдать.
 Но по чьей-то злой нелепой воле
 Должен был частицу «я» предать.
 Ты бежал под гром и залп орудий,
 Дезертиром став своей судьбы.
 Ты ушёл туда, где правят люди –
 Части серой и чумной толпы.
 Рисовал иконы с чьих-то ликов
 И играл мелодии души...
 Всё сгорело, прошлым став великим,
 Вот теперь иди и отыщи.
 ...Ты пришёл. Ты куришь подле ямы,
 Где лежат обрывки твоих снов.
 Не извлечь их, но не отпускает
 Прошное. ...И куришь вновь и вновь...

* * * * *

Сирень вянет в стакане,
 Душа – в груди.
 Чужих игривых паник
 Давит нажим.
 Косят под поволокой
 Чьи-то глаза.
 В руках руль и водка –
 По тормозам.
 На месте отчий дом –
 Ряды могил.
 Друзья жрут до рака
 Зловонный дым.
 И кровь на кастете,
 Я люблю вас.
 Спидометр наверху.
 Рассветный час.
 А время колченого,
 Мозоль уже.
 Алой станет дорога
 На вираже.
 Сирень в стакане вянет,
 Где воздух спёрт.
 На крест венки натянет
 Мой поворот.

* * * * *

Проснуться и увидеть капли на стекле...
 Это не дождь.
 Это весна красуется в окне,
 Сердца дрожь.
 Капает со звоном лёд
 С крыш.
 Наконец-то в клочья порвана
 Тишь.
 Я ждала в холодной блёклости,
 Замерзала.
 Я звала весну чудесницу,
 Было мало
 Света, солнца и адреналина.
 Боль.
 Мне казалось, жизнь мимо.
 Соль
 Слёз катилась по щекам
 Ядом
 Мне чудился зимний свет
 Адом.
 А теперь грусть прочь,
 Шубы...
 Будет длиннее теперь ночь,
 Будет!

РОЖДЁННАЯ ЗРЯ

Мне не ясно: где приукрасила,
 Где сказала явную ложь.
 Мне темно под солнцем погашенным,
 Наугад тяжело? – ну и что ж.
 Как слепая, лишённая зрения,
 В черноте, без поводыря...
 Я – отброс своего поколения,
 Насильно рождённая, зря.
 В грозовую ночь, полную страха,
 В час зачатия жизнь занялась
 Как спасенье-заря для монаха,
 Что молился всю ночь, затаясь.
 Как ещё один крест на погосте
 В мир моё прокралось рождение.
 Навсегда буду в жизни я гостем,
 У меня другие стремления.
 В миг, когда приоткрылась темница,
 Бросили грубо в ослепляющий свет,
 Отнялось, не начавшись, дыхание,
 До сих пор в лёгких воздуха нет.
 Будто клетка с железными прутьями
 Отделяет меня от общества.
 Ко мне тянутся – отворачиваюсь,
 Прячусь за аморальной решёткой.
 Где тепло и цветут цветы,
 Земля колет мои бедные ноги.
 Ухожу в даль от красоты,
 Честней, легче на грязных дорогах.
 Забретаю на полюса те,
 Где нет человеческой речи,
 Где вопреки здравому горят
 Во льдах-страхах души – свечи.
 Нагая и босиком
 Иду по горячности снежной.
 Пылаю чёрным огнём,
 Вечным, одиноко-мятежным

* * * * *

Закрутились колёсами обозрения.
 В тучи уткнулись пробками
 Шампанского пенного до опьянения,
 И по белому рыжим сводками
 Написались латынью дымной.
 Расскажи, с чем июнь рифмуется,
 Когда солнце горячей тыквой
 Травы парит и шумно курится?

* * * * *

Раздражение давит виски,
 От ненависти щиплет глаза.
 Я будто бы попала в тиски,
 Сорвав нервы-тормоза.
 Я пыталась бежать от других,
 От себя бежать, из себя...
 Но осталось злобу вершить,
 Всем и каждому в душу грубя.
 Кто не прав: тот, кто не дал уйти
 Или тот, кто подначивал вслед?..
 Я устала, мне нечем платить
 За бесценный солнечный свет.
 И в карманах пусто – дыра,
 В голове гуляет сквозняк...
 Будто выстрелом череп снесла
 И упала в пространственный мрак.

* * * * *

Рваные кеды по сырому асфальту
 Сердце неверное делает сальто
 Не попадает в спасительную решетку
 Разбиваясь на липкие сгустки-щепотки
 И кто-то усталый в форме синей
 Соскребет с асфальта, надеясь спасти
 Но мне не нужен этот нервный орган
 Убегаю прочь с грудью разорванной
 Теряя кровь, становлюсь земле донором
 Где упала капля, столбы вырастут новые
 На них повесят фонари-светила
 И кто-то повесится, веревку намылив
 Рваные кеды по асфальту серому
 Бегу туда, что называют домом
 Где вещи в состоянии невесомости парят
 И где неважно пьешь сок или яд
 Этот дом носит звание «смерть»
 Совсем немного осталось терпеть
 До двадцати череда счастливого
 А потом летоисчисление мимо
 И ногами истертыми в кедах рваных
 Отталкиваюсь, падаю вниз грудью раненой
 И кто-то блеклый в белой форме
 Соскребет воедино, констатирует «мертвый»

СТАТИСТИКА АЛОЙ МЕДИ ЗА ПОСЛЕДНЕЙ ПАРТОЙ

Найди мой элемент в таблице Менделеева,
Без «химии», соединений и растворов чувств,
Истлевший на спиртовке, поизъеденный
Солями и кислотами искуств.

На карте отыщи, указкой по рукам.
Как школьницу, ушедшую в отрыв.
Как моногама, любящего Амстердам,
Как свингера предательств половых.

Машиной счётной выяви период-пульс,
Потыкай пальцами, а я буду пищать
Всего лишь вычерченная в формате А4 –
Можешь поставить в рамку, можешь взять и смять.

Готова сдохнуть в твоих пальцах.
Готова рифмовать на лекциях
К тебе, моя жестокая фантазия,
Тебя, моя нежнейшая депрессия...

* * * * *

Стало страшно, что бросили.
Забыли, посмеялись, убили.
Этой странной осенью
Небо покрылось пылью.
И мне совсем не можетя,
Не выдыхается, не произносится.
Что-то случится, слышите?!
Этой забавной осенью

* * * * * * *

Представляешь, я – маленький глупый клоун,
Забывающий склеивать утра в единое.
Сколько их будет, горячных, расколотых?
А сколько раздробленных было?
Сверлом жестоким врезается водка
В опаленный мозг недо_лаской.
Ну, же спроси про погодные сводки
И отряхни, как заразу
Мой внутренний, грешный и жалкий,
Политый какой-то дрянью.
Так странно, ещё не сбежал....
Ты веришь в счастливые сказки?
Где-то кто-то кого-то полюбит,
Спасёт от жестокого змея....
Поверь, головой в стену хочется!
Болею тобой, болею я.

* * * * * * *

В этом месиве чувств твоя задача
Разглядеть одно, самое вычурное:
Нечто плюшевое, напудренное, накрашенное,
Сверху глянцевое, внутри строптивное.
Как коробка с сюрпризом: раз! –
Из бумаги постельных оттенков
Вылетает кричащий паяц
И вжимает воплями в стенку.
...Дрожишь.... Боишься? Жаль.
Я так хотела подарить тебе Любовь....

* * * * *

У меня между строк тоска.
А у вас на завтрак овсянка.
Вы торопитесь, наверняка,
На работу. Я сплю после пьянки
Головой подперев монитор.
Надрываясь, рыдает, ломает,
Произносит на крик приговор
Моя музыка. Не понимаю,
Как не слышать за стёклами плачь
Тех, кто в коме, в осознанной коме.
Тех, кто выбрал не карцер – палач,
Кто очнулся наутро в дурдоме.
И в бинтах на разломах вен
Спрятан страх умереть, не раскрывшись.
Среди этих раздробленных стен
Мне на плечи спускаются листья
Ваших писем, отправленных в ночь.
Я – поверенный, я не обижу.
И тоски отражения прочь!
В дребезг стёкла! Герои из книжек
Мне напомнят снова себя,
Самым чёрным, самым зловещим.
Будто пена, вино на губах,
Будто жизнь, жарко плавится свечка

* * * * *

Телефон орёт. – Алло. Молчат.
 Абонент повесился на проводах.
 Зеркало. Я красива как смерть,
 Веришь ли, хочется петь?
 Платье не скроет, наоборот.
 На запястьях следы запуганных нот,
 Запрещённых идей, извращённых поз.
 Нас закидают венками из роз.
 А потом забудут, свой выпьют чай,
 Мы в гробу будем истошно кричать,
 Загонять под ногти занозы, но
 И тот мир умер, умер давно.
 Эта боль не имеет значимости.
 Почему же с ней я богаче?

* * * * *

Вдруг нестерпимо захотелось всё исправить.
 Выкинуть распухшую от тоски тетрадь –
 Вместо красных взять зелёные чернила,
 Успокоиться и заново играть,
 Но теперь по правилам. В конце концов
 Мы приходим к краху, если
 Против конницы пешком стремимся в бой.
 Силы кончились, нет света в поднебесной.
 От меня отворотился бог.
 Или прогнала сама, неважно.
 Я забуду наркотической волны прибой
 И дорогу на балкон многоэтажки.
 Я до фильтра докурю табак,
 Скомкаю обиду между пальцев.
 Некого винить, что всё опять не так.
 Нужно жить, не смей, не смей ломаться!

ВЕРИШЬ, ЗЕМЛЯ КОНЧАЕТСЯ НЕБОМ?

эта осень не запрещает дышать. курим вместе на балконах
 и украдкой я целую её пальцы прожженные.
 ничего больше не надо, не тоскую – примирилась.
 со своей ролью в спектакле, срежессированном
 обаятельным насмешником – роль того, кому нет места –
 забавные реплики, сладкий грим.
 бросаю с высоты окурков. мысленно иду за ним
 когда спрашиваешь, что такое смерть,
 я непроницаема – не узнаешь, как хочу проверить.
 как кровь из мёртвых жил – сентябрь простыл
 улыбаюсь, кому-то протягиваю луч – выжить.
 дай бог тебе не узнать, чего стоит светить,
 спрятав обугленные провода в карман.
 смс похожи на переписку влюблённых, так странно....
 ведь я гуляю сама по себе, ты следишь в подзорную трубу.
 никуда не денусь, но и не приближусь, разве что губы в губы.
 но это так мало значит, даже если засыпаю,
 пока ты мне поёшь - доверяем.
 умею над собой смеяться, пока горит костёр.
 как пахнет разрушение, знаешь?
 оно с нотами подвявшей сирени
 и бензина – однажды не справлюсь с управлением,
 и это избавит кого-то от необходимости смотреть, как летаю.
 прямо через окно, на постель падает солнце. и ты просыпаешься,
 когда меня уже нет. *говорю с осенью, осень – не пустота*
 покажи любовь, пока я не сошла с ума

НАС НИКТО НЕ ОСТАНОВИТ.**СТРАХ**

Гигантские метры, деформированные состояния, на разбитое стекло газеты. Крупным чёрным заголовком: "Страх". У нас сквозняк, у нас сухо в глотках от молчания. На медленном огне греть руки. Забывать имя, чьи останки в костре сегодня. Щедрый пай кончился. Варить голенища сапог, жрать. Если выйду на улицу, пусть бомбят. Земляные воронки поглотят тела, и даже жетоны. Ты так и не узнаешь адреса захоронения. Придвинься ближе, быть может первые бомбы уже упали.

На запястьях вырезали ножом. Не целую губ, глаз, лишь сюда - в боль. Это что-то для нас, платочек, пропитанный твоей кровью в моём нагрудном кармане. Я не думал, что зайду так далеко. Не знал, что с ума сходят вот так. Ни о чем. А солнце всходит и заходит, удивительно. Когда нечем отравить сознание, начинаю бежать по потолку. Внутренности переворачиваются и отрываются. Кажется, вчера выплюнул сердце... Потому что не замирает, потому что не интересно. Но страшно. Мой сегодняшний страх - фиолетовый мак. Соцветие разожмёт челюсти и..., но пока мак качается на не-февральском ласковом ветру. Мы умеем заказывать погоду, и даже города, мы немного волшебники. Боюсь чемоданчика с таблетками. А твой страх, какой он?

ЗАВТРА СНОВА ПРОСНЕМСЯ?

Алкоголикам, наркоманам, сказочникам и прочим фрикам нельзя верить. Я сейчас просто раскачиваюсь на стуле. Вперёд-назад. Может быть, давно. Дорожный снег уже растаял, мокрые джинсы, ботинкам уютно в грязной луже. Я отлично знаю год, месяц и даже время суток. Этот адрес, множество других адресов, где варят кофе и ханку, набитые сейфы и разбитые ванны, в шикарном парадном ключами позвякивая, сжимаясь в комок на подвальных трубах. Высота зданий, марки авто, ценники за воротом, пласты общества, уровни интеллекта. И хочется верить, что кому-то что-то ещё кажется важным.

Я могу сейчас ответить на этот чёртов звонок. Могу выкинуть телефон через закрытое окно. Потом поднять с пола осколок и вырезать символ у себя на лбу. Любой, например, символ мира. Или свастику. Могу вырезать твоё имя. Хочешь?

Можно пить или нет. Трахать всё, что шевелится или объявить себя асексуалом. Застраховать задницу? Продать почку? Пожалуйста!

Я стоял на перекрёстке, понимая, что все дороги открыты. Но стоял на месте и не курил даже. То, что над головой - небо. Под ногами - земля. Наверное. Мне твердят так с детства. А где-то умирают сбитые самолёты. Пойдём туда, закрывать остекленевшие глаза, проводя ото лба к подбородку ладонями? Ты знаешь обо мне то, что хочешь. Он тоже. Она не исключение. У меня много версий. Я лежал в холодной воде. Узорный кафель, трикотаж, металл, кожа. Галстук колышется на водной глади, немного дыма и бутылка. Эффектно. Ты сказала, что готова смотреть вечно. Я ответил, что прыгать сейчас в ванну пошло. Умирать пошло тоже. Когда кто-то видит мою левую руку, его передёргивает: "неудавшийся самоубийца". Но можно съесть кусок пиццы, можно порезать себя. Или целоваться, разгоняя двигатель угнанной машины. Чёрт возьми, я это сделаю.

Говорят, нужно сдать сессию и завязать с наркотиками. Правда? Я позвонил маме, попросил, чтобы она взяла из приюта ребёнка. Твоя мама умерла в 2005-ом. Ты добралась до 2009-го - правильная схема. Может быть, этот детдомовец подаст моим родителям по стакану воды. Неправильно, но не грустно. Сегодня у городской больницы на снегу кровь. Шел по кровавому следу. И это тоже ничего не значит. Завтра снова проснёмся!

Я ХОЧУ ЖИТЬ!

Движение в углах, комната крадётся стенами, сжать, выпустить кишки. Ты приняла снотворное, чтобы нейтрализовать амфетамин. Твоя кровь розовеет, я вижу шприцы, вижу, как мы умираем. С каждой таблеткой, каплей, затяжкой, с каждым рассветом. Я боюсь, я плачу. Эта музыка, я сойду с ума.

Зелёные значки агента неумолимо краснеют. Люди уходят, смеясь, захлопывают двери, ноутбуки, отключают телефоны. Им не нужна ты, твои сны, судороги, мокрые ресницы. Мимо моего окна ноги, каблуки, прыжки, хромота. Я как мастер, в подвале, а сатана там правит бал. Отпускаю тебя к отцу, отдаю наши ночи, наше время, прячу свои руки, заматываю в тряпки, чтобы не рвалось наружу желание рвать, резать. Я больше не могу так. Зачем я такой? Эти чашки, почему они разбиты?

Сегодня посреди площади я лёг на снег. Я испугался. Понял, что иду без направления, что готов идти, куда поведёшь. След в след. За тобой.

Никогда не скажу вслух. Всего, что пишу, что ору в себе. Ты легла рядом, за руку, в небо. Они обходили стороной. Брезгливо дёргаясь, ускоряясь, отводя глаза. Как от грязной лужи, дохлой кошки. Но какая к чёрту разница, когда меня рвёт музыкой?! Самой чистой музыкой, струями прозрачными. Из меня - и фонтанчик. Тёплый, живой среди мертвечины бетонных блоков и пепла.

Так не должно было случиться. Если выбираешь разрушение, не имеешь права сказать люблю. И я не скажу. Я зарююсь в холодные простыни, спрячусь от шевелящихся стен.

Мне страшно. Что если ты умрёшь, я куплю четыре цветка, четыре бумажных цветка и буду существовать дальше.

Я дурак, но хотел обнять родного, хотел найти его, прижаться и умереть. А теперь хочу жить. Но не знаю как.

Милая, я люблю тебя!

СПАСИТЕЛИ

На каждую заблудшую душу - спаситель. Вот он, крадётся к твоему парадному, шарк - прорезиненная подошва, бульк - молекулы воды и корвалола совокупаются в стакане. Замираешь на полу в прихожей, прячешь дрожь в колени, чтобы не заметили. Чтобы оставили право на слёзы, на крик, холодный пол, на отчаянно девиантное: твоя боль принадлежит тебе.

И мне. Но меня нет, не закрою тебя, не заору, не вцеплюсь в глотку.

И вот "спаситель" уже просочился в скважину, вливает корвалол, прикасается к твоим рукам, ловко поддерживает запрокинутую голову. Мразь.

Тебя тошнит от вонючей воды, чужих пальцев, бежишь вглубь, ты ищешь чеснок, серебряные пули, что-то от вампиров, которые приходят забрать у тебя и меня - нас.

Не поможет.

Мирно, врукопашную, холодным, огнестрельным - не поможет. Их слишком много, желающих наставить на "путь истинный". Приходят в наш дом под видом борцов за права бога, сочувствующие старушки, родственники и случайные фигуры. Обломавшиеся мужчины, похотливые женщины. На шпильках и в берцах, защищая тебя от меня, от нас себя и своих детей защищая.

Химическое, остаётся оно, только так прекратить вторжения между - наши тела падают, горячие, ненужные, мы в одно, там, куда другим вход заказан.

Остервенело роюсь в аптечке родительской квартиры. К траве надо.. необходимо, иначе лёгкие лопнут - я учусь молчать, слова не играют роли.

Сегодня утром ты вновь поверила не мне.

Спаситель силой излечит истерику, знаю. Загонит в угол, нарисует грязью на стене картину будущего со мной. Ты даже путано пообещаешь "подумать".

Пьёшь хлорированную из-под крана - обезвожена, высосан сок. Испугайся?

Когда мне было семнадцать, они нависли толпой, багряные головы пухли, брызгали слюной, требовали жить "как все". Но им совсем снесло головы моё отсутствие сомнений и страхов.

Наверное, живу, как хочу.

Но уже не семнадцать, травимся всё глубже.

Если бы был уверен, что тебе будет хорошо, отвёл бы сам в правильную жизнь. На руках бы отнёс.

.....

Крещенские морозы, говорят. Под транками тепло, тихая вечерняя блажь. Я никого не ненавижу. В маршрутке девчушка с большим мячом подарила конфету. Летний мяч, яркая конфетина. Мы съедим её через полчаса, когда открою дверь, бросишься, начнёшь говорить - говорить...

А пока стоял и курил под окнами. С улицы наши шторы кажутся сказочным мозаичным полотном. И горит свет.

Незнакомая девушка в аське рассказывала свою грустную историю. А потом спросила "а ты счастлив, по-настоящему?" Мой ответ "по-настоящему, моментами" показался странным.

Только вот через тонны дерьма готов перебираться, ради того, чтобы стоять с сигаретой в зубах, и даже не под фонарем - смотреть на свет, что горит, несмотря ни на что.

И нас никто не остановит.

Автор: Янина **НОВИКОВА**
(г. Белогорск, Амурская обл.)

Составители номера:

Андрей **БОРОВКОВ** (г. Иваново)

E-mail: borovkov-and@yandex.ru

Маргарита **ТАРАСОВА**

(г. Шуя, Ивановская область)

E-mail: alixxx86@yandex.ru